

УДК 376.34

ББК Ч453.024.0

ГСНТИ 14.29.33

Код ВАК 13.00.03

А. В. Суворов

Россия, Москва

A. V. Suvorov

Russia, Moscow

**ВОСПИТАНИЕ
ИСКУССТВОМ ЛЮБВИ,
ИЛИ
НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
СТАНОВЛЕНИЕ
В СИТУАЦИИ СЛЕПОГЛУХОТЫ**

**EDUCATION VIA ART OF LOVE,
OR MORAL AESTHETICAL
DEVELOPMENT
IN THE SITUATION
OF BLINDNESS AND DEAFNESS**

Аннотация. В живой, свободной манере на конкретном жизненном материале ситуации слепоглухоты раскрываются фундаментальные и прикладные проблемы нравственно-эстетического воспитания. Автор, не боясь ложного пафоса и мнимой банальности, обосновывает тезис о том, что прекрасное есть любовь — в широком смысле: к окружающему миру, к жизни вообще; любовь как фундаментальная, первичная форма искусства и источник всех других его форм. Учить красоте — значит учить сочувствию, пониманию других, а не только себя. Одна из главных «методических рекомендаций» — не навязывать своих представлений о том, чего на самом деле не знаешь, не умеешь.

Ключевые слова: воспитание; слепоглухота; нравственность; нравственно-эстетическое становление.

Сведения об авторе: Суворов Александр Васильевич, доктор психологических наук.

Место работы: Московский городской психолого-педагогический университет, Институт проблем интегративного (инклюзивного) образования, Лаборатория психолого-педагогических проблем непрерывного образования детей и молодёжи с особенностями развития и инвалидностью, г. Москва.

Abstract. Fundamental and applied problems of moral and aesthetical education are described on the basis of life situation of blindness and deafness. The author defines the thesis that the beautiful is love, in a broad sense: love to the surrounding world, love to life; love as a fundamental essential form of art and the source of all its forms. To teach the beauty is to teach sympathy, understanding the others. One of the main methodical recommendations is not to impose your own ideas on what you in fact do not know and can not do.

Key words: education; blindness and deafness; morality; moral aesthetical development.

About the author: Suvorov Aleksandr Vasilievich, Doctor of Psychology.

Place of employment: Moscow City Psychological Pedagogical University, Institute of the Problems of Integrative (Inclusive) Education, Laboratory of Psychological and Pedagogical problems of Continuous Education of the Youth with Peculiarities of Development and Disabilities, Moscow, Russia.

В главном воспитание детей-инвалидов ничем не отличается — и не должно отличаться — от воспитания детей без инвалидности. Разумеется, инвалидность меняет конкретные условия воспитания и, следовательно, его методическую тактику, но стратегия воспитания — общая для всех.

Я сам инвалид с детства; зрение потерял в три года, слух — в девять лет, речь — сохранная. Немало довелось пообщаться и с инвалидами других категорий, особенно с детьми.

Это обстоятельство — то, что с инвалидностью я знаком не понаслышке и не только извне, — думается, дает мне дополнительное моральное право настаивать, что специфика воспитания детей-инвалидов носит тактический, а не стратегический характер. Меняется (и очень сильно) форма, а не содержание воспитательной работы. Иными словами, форма воспитания может и должна быть не просто «специфической» (особой лишь для той или иной «категории» детей), но уникальной, неповторимой, единственно возможной для каждого ребенка, более того, для каждой возникающей в жизни ситуации. А содержание воспитания остается — и должно оставаться — общечеловеческим.

Именно так я понимаю постоянно цитируемое мною высказывание моего учителя, философа Эвальда Васильевича Ильенкова (1), из письма ко мне, написанного 12 августа 1974 года: «...я понимаю, что слепоглухота не создает ни одной, пусть самой микроскопиче-

ской, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их, — больше она не делает ничего».

Остается добавить: больше ничего не делает и всякая другая инвалидность, — по крайней мере, физическая. И это добавление не голословно: работая в Детском ордене милосердия, вообще много лет участвуя в движении детского милосердия, я всяких ребят встретил, со всякими старался подружиться, и старался не без успеха... А наладить общение с ребятами мне из-за слепоглухоты как раз очень-очень нелегко...

Кстати, об общении. В конце апреля — начале мая 2001 года прошла вторая очная сессия Школы юного журналиста, организованной Детским орденом милосердия при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (фонда Сороса). Это была школа именно для детей-инвалидов, и всякие там были дети: с детским церебральным параличом (вплоть до коляски), слепые, с разнообразными внутренними болезнями... И как-то небывало наглядно проявилось, что дети в общении со мной не желают никаких посредников-переводчиков, хотят общаться только напрямую. Даже Настя на коляске пыталась писать у меня по ладони сама, отвергая мои предложения позвать кого-нибудь на помощь. В другом лагере парализованный мальчик, свободно двигающийся только головой, писал у меня по ладони карандашом, зажатым в зубах. Слюна, правда, текла вдоль карандаша, как

по желобу, но я изо всех сил старался понять, — получалось! — и мы оба были счастливы... (Эти ребята — не то что взрослые, которые сразу дают задний ход, при малейших затруднениях без стыда, без совести норовя укрыться за спиной посредника-переводчика. А всего-то хлопот на самом деле — пять минут попрактиковаться, приспособиться...)

Кем вы хотите воспитать своих ребят? «Хорошими людьми», — не так ли? Сейчас не будем забираться в философские дебри, выясняя, что такое «хороший человек», как сие можно понимать. Как ни понимай, а одно тут ясно: нам не может быть безразлично нравственное качество растущей личности. Нам не может быть это безразлично — или не может быть и речи о каком бы то ни было «воспитании».

Если вы с этим согласны, то уже элементарная логика вынудит вас согласиться и с тем, что со стратегической точки зрения воспитание может быть и бывает только нравственное. Или никакое. Ибо «хороший человек», как ни толкуй, — это нравственный человек. (Оговорюсь мимоходом: не обязательно «моральный», ибо мораль может быть и бывает безнравственной, но обоснование этого тезиса уведет нас в весьма дремучие философские дебри, поэтому тех, кто не поленится в них поплутать, отсылаю в библиотеку, литература по данному вопросу весьма обширна.)

Много прилагательных у термина «воспитание»: и трудовое, и

физическое, и эстетическое, и даже щепетильная и скромная старая дева, сиречь педагогика, заговорила-таки о половом... Хотя в девятнадцатом веке, помнится по классической литературе, под «нравственностью» понималось целомудрие, и, следовательно, под нравственным воспитанием... сами с трех раз догадайтесь, какое. И правильно. Я просто к тому, что лень — едва ли добродетель, скорее порок; вот вам и трудовое воспитание, как разновидность воспитания нравственного. Ну и так далее. Сколько бы ни сочинили видов воспитания, все они — виды воспитания нравственного, то есть виды воспитания «хорошего человека». Или воспитание, как говорится, тут и не ночевало. Моя же задача в данной статье — обосновать это применительно к эстетическому воспитанию. Причем в чрезвычайно неприятной — уж поверьте на слово — ситуации слепоглухоты.

Красота... Прекрасное... Что это такое?

Если вы всерьез озабочены эстетическим воспитанием своих детей — от всей души вам желаю всё же, чтобы они не были инвалидами! — вы просто права не имеете не задумываться над вопросом, что такое красота, что есть прекрасное. Чему вы, собственно, собрались учить ребят? Что вы там такое хотите у них «воспитать»?

Знаете ли, я, пожалуй, согласен со всеми.

И с Николаем Гавриловичем Чернышевским [2] в том, что «прекрасное есть жизнь».

И с его оппонентами — сторонниками теории «чистого искусства» — в том, что прекрасное — это самостоятельная ценность, самоценность; иными словами — смысл жизни, то, чего ради стоит жить. Не самый худший ответ на вопрос о смысле жизни, ничего не скажешь...

И с Карлом Марксом [3], для которого прекрасно то, что согласуется с законом существования каждой «вещи», с присущей этой «вещи» «меркой». (Поскольку в некогда самой «марксистской» стране мира мало кто действительно знает марксизм, поясню: в одной из ранних работ, а именно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», Маркс сравнивает производство у животных и человека, и среди других отличий отмечает и такое: животное творит лишь по мерке того вида, к которому оно принадлежит, а человек — по мерке любого предмета своего творчества, любой вещи, ставшей объектом человеческого творчества; «в силу этого человек творит также и по законам красоты!» — заключает Маркс. Отсюда следует, между прочим, что современное человечество, по Марксу, животных явно переплюнуло в смысле деградации: оно творит не по мерке предмета творчества и даже не по мерке своего биологического вида, а по мерке сиюминутного каприза; и поскольку может творить по законам красоты, но при соответствующем техническом могуществе их игнорирует, успешно катится к экологической катастрофе. Даниил Анд-

реев [4] сказал бы, что современное безумное человечество творит по демоническим, а не провиденциальным, темным, а не светлым, законам. То есть по законам уродства, а не красоты.

Конечно, я согласен и с Эвальдом Васильевичем Ильенковым [5], который, опираясь на Маркса, полагал, что прекрасное есть «целосообразность», то есть то самое соответствие мере каждой вещи (целому), то есть (переключаясь уже с древними греками) гармония. И эта «целосообразность», по Ильенкову, — главный фактор, воспитывающий нравственное чувство, прежде всего такой неотъемлемый его «компонент», как способность сочувствовать. Не будучи в состоянии представить себя на месте другого человека, вы не сможете ему сочувствовать. А представить себя на его месте вы не сможете, не научившись относиться к нему как к такому же самостоятельному «целому», такой же самостоятельной ценности, как вы сами. Этому, по мнению Ильенкова, учит искусство. Тем самым он утверждает, что искусство учит любить.

Отсюда недалеко уже и до тезиса: «Прекрасное есть любовь».

Так христиане определяют Бога. И они вправе возликовать и провозгласить: «Прекрасное есть Бог!» Мне им возразить нечего, поскольку они говорят, что «Бог есть любовь». Но что сам Бог прекрасен, а не уродлив, потому что иначе был бы Сатаной, — в этом единодушны все известные мне компетентные источники. Не будем с ними спорить.

Меня же лично в том, что прекрасное есть любовь, убедила моя мама. Своей любовью ко мне. И еще меня в этом убедили дети — моей собственной любовью к ним.

Ибо что мне говорила моя мама, Мария Тихоновна Суворова, когда я вел себя не лучшим образом? Она говорила:

— Некрасиво!

Я не всегда соглашался с ней в оценке моих поступков. И, упрямец, до сих пор думаю, что не всегда был неправ в своем несогласии. Но ведь в конце-то концов имелось в виду: «Красиво то, что нравственно». С этим общим философским смыслом мамино восклицание я спорить никак не мог. Ибо смысл этот истинен.

Прекрасно то, что нравственно. А нравственно то, источник чего — любовь. Следовательно, прекрасное есть любовь.

Есть ли в этом силлогизме логическая ошибка?

Я не нахожу, хоть убейте.

В 1915 году — как раз вовремя, в разгар Первой мировой войны! — была написана гениальная книга. Автор — Януш Корчак, название — «Как любить ребенка» [6]. Я согласен с автором предисловия к советскому изданию 1968 года, что «эту книгу хочется всю подчеркнуть».

Так вот там — про восприятие младенцем матери. Ее кормящей, изумительно пахнувшей, груди. Ее голоса, напевающего что-то, — а что у самой необразованной кормящей мамы прорезаются поэтические таланты, это через сорок лет

засвидетельствовал Корней Чуковский [7] в книге «От двух до пяти». Я к тому, что первые — любые! — впечатления младенца от мамы — это и есть его первые эстетические впечатления. Еще раз: любые впечатления. Звуковые, цветовые, осязательные, обонятельные, вкусовые... Корчак называет детский ротик лабораторией, в которой анализируется любой попавший туда предмет. Так что следите за тем, чтобы ваша грудь или ваш палец были на вкус... красивыми. Для этого надо, между прочим, постараться соблюдать правила гигиены...

И если искусство воспитывает чувство целого, оно же чувство красоты, и тем самым учит любить, то прежде всего такой воспитательной эффективностью обладает искусство любви. Ибо любовь сама по себе — тоже искусство, причем главное из всех искусств, требующее наивысшего мастерства. И не только главное, но и самое массовое из всех искусств. Искусством любви должен владеть каждый.

Младенец, которого вы вскармливаете, растите, а главное — любите, — этот младенец именно вас, не кого-нибудь другого, воспринимает как свой первый в жизни эстетический объект. И будьте добры при этом экзамене — не осрамитесь. Будьте добры восприниматься именно красивыми. А это прежде всего значит — любящими.

Красивое, то есть, на первых порах, чистое, мягкое, теплое и потому вкусное, легче полюбить. Красивому легче поверить. Красивое — то, к чему можно прижаться,

во что можно уткнуться, отвернувшись от пока пугающе непонятного, чужого и уже поэтому некрасивого мира, — самая надежная защита.

Красивое — это добро.

Некрасивое — это зло.

Так философствует младенец. А вы иначе? Ну и что с вас возьмешь, — вы уже испортились...

Я, пожалуй, был в младенчестве прямо-таки снобом — кроме мамы, никого не признавал. Других красивых объектов для меня не существовало. Это со слов самой мамы: она любила рассказывать обо мне маленьком.

Может с тех пор мое всегдашнее непонимание красоты внешней и чуткость к внутренней? Я не понимал и не понимаю, как можно быть добрым и вместе с тем некрасивым? Что это за извращенные критерии красоты? Мама была красивой всегда, до самой смерти. И любимая учительница, заменившая мне бабушку, — тоже. Это загорская учительница в Загорском детском доме для слепоглухонемых. Ее звали Валентина Сергеевна Гусева. Она была совсем седая. Тонкая, мягкая, даже на ощупь прозрачная, кожа. Звонкий голосок, доходивший до меня сквозь мою тяжелую тугоухость. Объясняет мне что-то на уроке — и нараспев повторяет то, что говорит дактильно. Она со всеми нами так разговаривала — и дактильно, и голосом сразу. Зайдешь в класс, остановишься рядом, прикоснешься к ее вибрирующему горлышку — как раз кому-то что-то дактильно говорит, помогая себе голосом... Засме-

ешься от нежности — и не удержишься, поцелуешь в щечку. За это Валентина Сергеевна называла меня «Лизун». Но я не всех «лизал». Весьма избирательно. Только красивых. То есть любимых.

Я вас еще не убедил? Вы ждете от меня «методических рекомендаций» по обучению разным видам искусства? Как учить наслаждаться красотой того или иного произведения?

А вы можете научить ребенка чувствовать вкус пищи так же, как вы? Станете ли вы заменять ребенку его собственный язык вашим? Вряд ли... Вот вам и главная методическая рекомендация: не мешайте... То есть — не суетитесь...

Хорошо. Давайте по видам искусств.

Музыка. прежде всего — ваш собственный голос. В моем случае — голос моей мамы. Пока слышал — «так», потом — через вибрацию горлышка и через слуховой аппарат.

Ритм шагов. Вообще — ритм движений. Ритм движения. Моего собственного. И вокруг меня.

Много ли вы, зрячелышащий родитель, в этом понимаете? Стало быть, учитесь у ребенка. Наблюдайте за ним. За тем, на что и как он реагирует.

Когда предлагаете ему вибрацию динамиков, не лезьте, не прижимайте грубо его ладошку к вибрирующей поверхности. Вы в этом ничего не смыслите, потому что слышите звук.

Дайте ему самому решать, насколько плотно прижимать (или

вообще не прижимать) ладошку к источнику вибрации. Вы нормально слышите, значит, вы не знаете, в каком виде доходит музыка до него. Предоставьте максимум свободы. Отдайте ему в полное распоряжение регулятор громкости (а соседям вправьте мозги, чтобы немножко потерпели). Понаблюдайте за реакцией. Нравится? Почему? Что именно нравится? Осторожно попробуйте поддирижировать своей рукой, положив на нее руку малыша. Пусть теперь поддирижует он... Подпойте музыку, положив свободную ладошку (или пальчик) малыша на любую вибрирующую поверхность вашего тела (совсем не обязательно на горло; когда я вместе с ребятами — слепоглухими! — крутил пластинки с духовым оркестром и подпевал под знакомое, ребята держали руки, где место найдут: на горле, на шее, на макушке, на спине между лопатками, на груди... их набиралось до десятка человек, и все находили источник вибрации, благо голос у меня довольно низкий, а чем ниже, тем вибрирует отчетливее).

Не думайте, что вы все науки превзошли, и лучше слепоглохого знаете, как ему что-то воспринимать. Ни в коем случае не навязывайте ему свой способ восприятия. Наоборот, стремитесь к диалогу, пытайтесь воспринимать вместе с ним (хотя бы через совместное дирижирование, что ли), уступайте ему инициативу, изучайте его способ восприятия. Будьте внимательны прежде всего к ребенку, а не к себе. Учитесь у ребенка. Если он

лезет между динамиками, в самый грохот — пустите!

Я как-то был со слепоглухим мальчиком на первомайской демонстрации, возле духового оркестра. Мне самому пришлось один из двух слуховых аппаратов отключить — мешала какая-то речь через усилитель, всякие там приветствия и призывы, наверное... Я слушал оркестр через один аппарат, как бы одним ухом. А мой мальчик аппарат снял вообще.

— Почему? — спрашиваю.

— Я слушаю животом!

Ничего себе орган восприятия музыки. Но потом я понял, что это значит. Купил себе мощные акустические системы с усилителем высшего класса. Поставил их в шкаф так, чтобы можно было самому усесться между ними. Включал пластинку и садился в эту нишу. И «балдел», слушая не то что «животом» — всем телом! Вот только, чтобы отрегулировать громкость, вылезать оттуда приходилось... Ну, а соседский слышащий мальчик потом передавал мне, порой весьма энергичные, высказывания соседей по подъезду. Кто-то, например, в паузах между маршами и вальсами орал с первого этажа (а я-то на третьем): «Нельзя ли потише?» В том-то и дело, что нельзя. Погромче — пожалуйста!

Конечно, не среди ночи, но днем — почему бы и нет?

Позже у меня активные акустические системы для компьютера. Рекомендую. Они подключаются к выходу для наушников. Хоть к магнитофону, хоть к «сидирому» — без

разницы. Имеют вилку для подключения к сети, собственный регулятор громкости (в добавление к регулятору исходного аппарата, где крутится компакт-диск или кассета или где радио). Сами колонки небольшие и не очень громкие, но их можно держать возле ушей. Получается для окружающих вполне терпимо, и мне хорошо слышно, да и вибрируют колонки, хорошо помещающиеся в ладони. Звук можно регулировать прямо на колонках, не пытаясь дотянуться до далеко расположенного магнитофона. Я был в восторге. С тех пор, когда в восьмидесятые годы прошлого века слушал всем телом сразу две грохочущие тумбочки в шкафу, не испытывал такого удовольствия. Соседи зато перестали «возникать», и брат с сестрой ограничивались тем, что закрывали дверь в свою комнату. И говорили, что им хоть и слышно, однако не мешает.

Но и это в прошлом. Сейчас у меня колонки с сабвуфером. Две маленькие колонки, которые можно прижимать к ушам, и громоздкий сабвуфер — главный источник вибрации, «бухалка». Как только до этого источника добраться?.. Над этим я ломал голову долго. Сейчас у меня пояс для закрепления колонок на ушах и ремень для закрепления сабвуфера на груди. Все три динамика — и колонок, и сабвуфера — плотно прижаты к моему телу. Поэтому регулирую негромко, мне хватает и звуков, и вибрации. Особое удовольствие — то, что барабаны через сабвуфер отчетливо «бухают» у меня в груди. Это очень

облегчает восприятие ритма, что раньше было большой проблемой. И никакого террора по отношению к нормально слышащим.

А что же слуховые аппараты? Слушать музыку через них мне не нравится. Очень трудно уловить ритм, звуки часто сливаются в сплошной вой... Аппараты рассчитаны на восприятие речи, которую всё равно не понимаю. Использую аппараты для шумовой ориентировки и, главное, для контроля за собственной речью, когда выступаю в различных аудиториях. Но музыка больше удовольствия доставляет через колонки с сабвуфером, укрепленные на теле посредством так называемой мною «музыкальной упряжки» — пояса и ремня. Лежу на спине (иначе всё посыплется), слушаю, и даже можно дирижировать руками.

Что касается изобразительного искусства... С картинами дело плохо, конечно. Однако научиться рисовать самому можно. Во-первых, для этого давно придуман прибор Семейского. Рисуешь, что хочешь, по вроде как пластилиновой поверхности острым металлическим карандашом либо зубчатым колесиком на конце такого же карандаша, а потом стираешь всё нарисованное металлической тарелочкой и снова рисуешь... Я с таким же успехом рисовал на плотной бумаге, выполняя задания по геометрии, либо просто так, «из головы». В восьмидесятые годы XX века появились наборы листочков из полимерной пленки со специальной металлической рамкой и упругой

дощечкой. С помощью рамки закрепишь листок на дощечке — и обыкновенной шариковой ручкой делай рельефный рисунок. И тебе «видно» (рельефный контур), и зрячим тоже. Ну, я уже взрослым был, когда это появилось... А моим ребятам, и слепым и зрячим, в лагерях это дело пригодилось еще как.

Подростком я любил рисовать на зрячей пишущей машинке. Вставишь лист и давишь только на две клавиши — точка и пробел. И вручную передвигаешь лист на точно рассчитанное количество интервалов междустрочечных. Таким способом я рисовал даже мосты через железнодорожные пути. С лицевой стороны листа — точечная штриховка черными углублениями, а с обратной эти точки хорошо прощупываются.

Очень любил я тогда же и выпиливать лобзиком. Учитель труда наносил чем-то острым контур, а я по этим процарапанным линиям пилил. Как-то выпилил даже оленя.

Любил плести бумажные коврики. А из этих ковриков потом плел коробки. Даже с крышками. Использовал исписанную брайлевскую бумагу (специальную плотную бумагу — почти картон — для письма рельефно-точечным шрифтом слепых).

Я был бы рад, если бы кто-нибудь сделал репродукции хоть некоторых картин, наклеивая лоскутки с разной поверхностью и разной формы... Художники, я читал, рисуют пятнами разного цвета. Вот такие лоскутки, своего рода мозаика, вместо пятен... Впрочем,

фантазирую: хочется увидеть картины, — но таким способом вряд ли что получится, слишком мелким, трудновоспринимаемым будет рельеф.

В Третьяковской галерее бывали выставки... слепых художников. Взрослых профессионалов и школьников. Как-то живописуют при полной слепоте. Зрячие хвалят...

А вот не слишком сложная, крупно-рельефная графика — пожалуйста. Барельефы, тем более статуи — без ограничений. То есть нет ограничений для осязательного восприятия. Если не считать размеры, конечно, когда произведение слишком большое.

В условиях слепоглухоты одним из важнейших средств эстетического воспитания считается лепка. Из пластилина или любого другого подходящего материала. Это и познавательное средство, и творчество, то есть когда лепишь что захочешь, по своей (хотя бы игровой) инициативе. Но уж в творчество, пожалуйста, не лезьте в сапожищах и с буксирами-прицепами. В детстве творчество — это прежде всего игра, без всякого дидактического задания. Лишь бы скучно не было. Я любил лепить в соответствии со своей фантазией. Когда вместо этого учителя стали настаивать, чтобы я лепил огурцы и морковки, до которых мне ни в пластилиновом, ни в нарисованном (рельефно) варианте никакого дела не было, я к лепке сразу охладел.

И променял на книжку. Благо охоту читать к тому времени (мне было одиннадцать) никакая, самая

тошнотворная, дидактика отбить уже не могла. И то чуть было не испортила мои отношения с Пушкиным: я не успел прочитать «Евгения Онегина» для себя, а не для школьного сочинения. После школьного сочинения от «Онегина» тошнило года три. А потом однажды на летних каникулах захотелось любых стихов, сошел на безрыбье и «Онегин» — ничего другого в библиотеке не нашлось. С тех пор люблю этот роман в стихах.

К счастью, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Твардовского я успел прочитать и полюбить раньше, чем добрался до них по школьной программе. Не будучи дураком и сразу осознав то обстоятельство, что школьную программу лучше опережать, иначе можно потерять слишком много, я взял в детдомовской библиотеке учебники по истории литературы, составил по ним списки подлежащих прочтению произведений и постарался всё, что нашлось, прочитать раньше, чем начнется «прохождение» всего этого на уроках. Читал для себя, а не для патолого-анатомического разбора в школьном сочинении. Кое-что полюбил, кое до чего не дорос, потом, в зрелом возрасте, вернулся, но главное, сориентировался в классике сам, и в русской, и в советской, и в зарубежной, раньше, чем учителя собрались меня в ней ориентировать. Точно так же я поступил и с историей, и с географией, а частично и с прочими учебными предметами, лишь бы нашлась по ним научно-популярная литература.

В итоге получилось как в анекдоте про папашу, собравшегося объяснить десятилетнему сыну, откуда берутся дети, а сын готов к его услугам:

— Да, папа! Пора нам об этом поговорить. Но что ты хочешь знать?

Вот вам и еще «методическая рекомендация»: не тяните резину, не топчитесь на месте, не удерживайте рвущегося вперед ребенка, иначе он вам назло усядется, где пришлось, и займется саботажем: «Ничего мне не интересно, отвяжитесь, отпустите гулять!» А сам, конечно же, вопреки провозглашаемому нежеланию учиться у кого бы то ни было чему бы то ни было, учиться будет — только не у вас, а у кого попало, и, увы, чему попало...

Я, в общем, учился тому, чему меня и собирались учить, не дожидаясь, пока соберутся, но к школьной программе относился как все: в данный момент был готов читать всё, что угодно, только не то, что полагалось «проходить».

Архитектура. Как можно больше макетов. А еще лучше своими ножками обследовать изнутри, от подвала до чердака, любой доступный памятник. Не торопясь.

Позвольте незрячему планировку ближайшего парка обследовать самому, с ориентировочной тростью. Изучение окрестностей — тоже эстетическое воспитание. Красота планировки, красота нетронутой человеком природы (хотя где вы сейчас такую, неисковерканную, найдете?). Отпустите ребенка с ориентировочной тростью

одного. Забоится — подбодрите: мы тут, рядом. Поможем, если что. Но разве тебе не интересно самому побродить по дорожкам, полазить по кустам? Обними за ствол березу, дуб, сосну. Поищи под дубом жёлуди. Посиди на бревне.

Как можно больше ощущений. Начиная с ласковых материнских рук и кончая поцелуями ветра и солнца. Ибо прекрасное есть любовь во всем ее бесконечном разнообразии.

Вот и не обедняйте ребячью жизнь любовью. Ни своей любовью к ним, ни их ответной — к вам, а так же ко всему остальному миру. Постарайтесь не ревновать. И сами будьте повнимательнее ко всему, что можно потрогать, что можно обласкать в ходе ощупывания, чему можно порадоваться наощупь. Не мешайте любить. Учите любить. Учитесь любить вместе с ребенком, пытайтесь вжиться в его ситуацию, пытайтесь — постоянно! — его понять. Вот источник всякой эстетики. В ситуации какой угодно инвалидности. И без всякой инвалидности тоже.

Мне время от времени пытаюсь «помочь» ощупать что-либо ориентировочной тростью. Хватаются за трость и начинают бестолково шарить ею по объекту, да так при этом нажимают, что рискуют либо погнуть, либо вообще сломать ее. Неудивительно: зрячий щупать не умеет. Ни рукой, ни ногой, ни тростью. Ему это умение просто не нужно. Есть же глаза. Но поймите: зрение и осязание — это две очень и очень большие разницы.

Поэтому не лезьте указывать там, где сами ничего не смыслите. Не хватайтесь за трость и за руку с тростью. Укажите направление, подведите к подлежащему осмотру предмету — и мы уже сами разберемся.

Умейте помогать. Учитесь этому, на первых порах хотя бы по принципу: лучшая помощь — не мешать. В данном случае не мешать щупать, не мешать ребенку самостоятельно ориентироваться. И пользуйтесь каждым случаем, чтобы и ребенка поучить искусству помогать. В первую очередь — вам. Нуждайтесь в детской помощи. Не отказывайтесь от нее. Учите ребенка вам помогать. И вместе с вами еще кому-то...

Учиться любить — это ведь и значит прежде всего учиться помогать. И это не просто часть — хотя бы и важнейшая, — нет, это основа, фундамент всякого эстетического, то есть, прошу прощения, нравственно-эстетического, воспитания.

Учиться любить — значит учиться чувствовать. А учиться чувствовать — значит учиться красоте. В первую очередь красоте сочувствия и помощи. Вот и питайте чувства. Всеми доступными способами, которые старайтесь находить сами, ибо любая книжка беднее жизни.

Литература

1. Ильенков, Э. В. А. В. Суворову // Философия и культура / Э. В. Ильенков. — М. : Политиздат, 1991.
2. Чернышевский, Н. Г. Об эстетическом отношении искусства к действительности : дис.

3. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Глава «Отчужденный труд».
5. Андреев, Д. Роза Мира.
6. Ильенков, Э. В. Об эстетической природе фантазии // Искусство и коммунистический идеал / Э. В. Ильенков. — М. : Искусство, 1984.
7. Корчак, Я. Как любить ребенка / Януш Корчак. — М. : Книга, 1980. — (В изд. 1968 г. называется «Как любить детей».).